



УДК 902.904 (574)  
МРНТИ: 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.117.130>

## Вал Байлама

© 2023 г. Астафьев А.Е., Богданов Е.С.

**Keywords:** archaeology, Mangyshlak, the Era of the Resettlement of Peoples, Baylama, Karakabak, fortification, rubble masonry, raw bricks, urban settlement

**Түйін сөздер:** археология, Маңғышлақ түбегі, халықтар көші дәуірі, Байлам, Қарақабак, фортификация, кесек тастан қалау, шикі кірпіштер, қалалық қоныс

**Ключевые слова:** археология, п-ов Мангышлак, эпоха переселения народов, Байлама, Каракабак, фортификация, бутовая кладка, сырцовые кирпичи, городское поселение

Andrey Astafiev<sup>1</sup> and Evgeniy Bogdanov<sup>2\*</sup>

<sup>1</sup>Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Aktau, Kazakhstan. E-mail: [aasta@list.ru](mailto:aasta@list.ru)

<sup>2\*</sup>Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia. E-mail: [bogdanov@archaeology.nsc.ru](mailto:bogdanov@archaeology.nsc.ru)

### Baylama Shaft

**Abstract.** The article is devoted to historical and archaeological research of a stone-earth fortification known as the “Baylama Shaft” on the territory of Mangystau, the Republic of Kazakhstan. This defensive structure (wall-shaft-ditch) had a length of 780 m and an initial height of about 3 m. The work presents data on the design features of its construction obtained during excavations. In the western sector, the wall is composed of two-row rubble masonry of natural stone, without a solution, with a backfill of the row space. Its width in different sections is 1.5–2.2 m. In the eastern sector of the shaft, structural differences in the construction of the wall are recorded: in several cases, sections with a combination of horizontally laid and vertically installed slabs are traced. It is hypothesized that the Baylama fortress line was designed to protect the agricultural and cattle-breeding lands of the Karakabak settlement from nomads (3<sup>rd</sup>–6<sup>th</sup> centuries AD). In addition, a place for safe settling and maintenance of numerous livestock of draft and riding animals – mainly camels, as well as a place for storing valuable cargo was required. The creation of such a large-scale fortified borderline is, of course, one of the brightest pages in the history of Mangystau.

**Source of funding:** The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574175 and a grant FWZG-2022-0006.

**For citation:** Astafiev, A., Bogdanov, E. 2023. Baylama Shaft. *Kazakhstan Archeology*, 2 (20), 117–130 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.117.130](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.117.130)

Андрей Евгеньевич Астафьев<sup>1</sup>,  
Евгений Сергеевич Богданов<sup>2\*</sup>

<sup>1</sup>ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Ақтау қ., Қазақстан

<sup>2\*</sup>корреспондент авторы, тарих ғылымдарының кандидаты, аға ғылыми қызметкер, РҒА СБ Археология және этнография институты, Новосибирск қ., Ресей

Андрей Евгеньевич Астафьев<sup>1</sup>,  
Евгений Сергеевич Богданов<sup>2\*</sup>

<sup>1</sup>научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Актау, Казахстан

<sup>2\*</sup>автор-корреспондент, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия



### Байлам қамалы

**Аннотация.** Мақала Маңғыстаудағы «Байлам қамалы» атауымен танымал тасты-топырақты фортификациялық құрылысты тарихи-археологиялық зерттеуге арналған. Бұл алғашқы биіктігі шамамен 3 м және ұзындығы 780 м болған қорғаныс құрылысы (қамал-арық-қабырға). Жұмыста қазба кезінде алынған оның құрылысының құрылымдық ерекшеліктері туралы мәліметтер келтірілген. Батыс секторындағы қабырға аралық кеңістікпен табиғи тастан ерітіндісіз екі қатарлы кесек тастан қаланған. Оның ені әр жерінде 1,5–2,2 м болып келеді. Қамалдың шығыс секторында қабырға құрылысында конструктивтік ерекшеліктер байқалады: кейбір жағдайларда көлбеу қойылған және тікесінен тұрғызылған аралас тақта тастармен де кездеседі. Байлам қорғаныс тізбегі Қарақабак қонысының (б.д. III–VI ғғ.) егістігі мен мал шаруашылығын көшпенділерден қорғауға арналған деген гипотеза айтылып тұрады. Сонымен қатар, тарту және мініс малдарын – негізінен түйелерді қауіпсіз жерде қамайтын, бағатын және бағалы жүктерді сақтау орындары қажет болды. Осындай ірі қорғаныс шекара тізбегін құру әрине Маңғыстау тарихының жарқын беттерінің бірі болып табылады.

**Қаржыландыру көзі:** Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574175 жобасы және FWZG-2022-0006 ҒЗЖ гранты аясында даярланды.

**Сілтеме жасау үшін:** Астафьев А.Е. Богданов Е.С. Байлам қамалы. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 2 (20). 117–130-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.117.130](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.117.130)

### 1 Введение (Астафьев А.Е. Богданов Е.С.)

История возникновения первых фортификационных сооружений на территории Мангистау и плато Устюрт связана еще с бронзовым веком. Нам известны три крепостных стены, перегораживающих высокие мысовидные выступы в местностях Дагар, Тамшалы и Саура (последняя изучена археологически (см. Отчет: [Астафьев 2014]). Они имели раннюю конструкцию ступенчатого возведения стен и сложную планировку. Но наиболее ярко подобные укрепления, выполненные на сухую кладками панцирного типа и фланкированные башнями, проявляются в эпоху средневековья в качестве транзитных пунктов обустройства путей «мангышлакского» отрезка торгового сообщения [Астафьев 2010: 49–51, 127–131]. С успехом подобная строительная традиция использовалась для создания местными кочевыми родами крепостей-убежищ с целью бережения скота в периоды кратковременных военных или грабительских набегов [Каруц

### Вал Байлама

**Аннотация.** Статья посвящена историко-археологическим исследованиям каменно-земляного фортификационного сооружения, известного под наименованием «Вал Байлама» на территории Мангистау, Республика Казахстан. Это оборонительное сооружение (стена-вал-ров) имело протяженность 780 м и изначальную высоту около 3 м. В работе приводятся данные о конструктивных особенностях его возведения, полученные в ходе раскопок. В западном секторе стена сложена двухрядной бутовой кладкой без раствора из природного камня с забутовкой междурядового пространства. Ее ширина на разных участках составляет 1,5–2,2 м. В восточном секторе вала фиксируются конструктивные отличия в сооружении стены: в нескольких случаях прослеживаются участки с комбинированием горизонтально уложенными и вертикально установленными плитами. Высказывается гипотеза о том, что Байламинская крепостная линия была предназначена для защиты от кочевников земледельческо-скотоводческих угодий поселения Каракабак (III–VI вв. н.э.). Кроме того, требовалось место безопасного отстоя и содержания многочисленного поголовья тягловых и верховых животных – в основном, верблюдов, а также места складирования ценных грузов. Создание такой масштабной укрепленной пограничной линии является, безусловно, одной из самых ярких страниц в истории Мангистау.

**Источник финансирования:** Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574175 и гранта НИР FWZG-2022-0006.

**Для цитирования:** Астафьев А.Е. Богданов Е.С. Вал Байлама. *Археология Казахстана*. 2023. № 2 (20). С. 117–130. DOI: [10.52967/akz2023.2.20.117.130](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.117.130)



1911: 9, 10]. Некоторыми учеными высказывалась гипотеза о возведении крепостных стен в качестве стационарных охотничьих сооружений для отлова диких копытных [Едилхан, Едилханова 2003: 192–193]. Но, на наш взгляд, это предположение не имеет под собой веских оснований, особенно в отношении остатков фортификационной постройки с местным названием «Вал Байлама», расположенной на останцовом кряже Емды в северо-восточной оконечности Тупкараганского плато. Плато Емды расчленено с севера на юг двумя протяженными каньонами Каракабак и Шульдор. Эти каньоны, смыкаясь бортами до узкого перешейка, образуют достаточно обширный замкнутый участок плато площадью 15 кв. км (рис. 1). На северо-западной оконечности этого отгороженного участка на высоком скальном останце располагается портовое, торгово-ремесленное городище «Каракабак» (III – начало VI в.) [Астафьев, Богданов 2019], с которым и связано, на наш взгляд, возведение байламинской фортификационной системы.



Рис. 1. Месторасположение «Вала Байлама» и поселения городского типа Каракабак. Вид с юга.  
Фото Андрея Астафьева, 2019

1-сур. «Байлам қамалы» және Қаракабақ қала типтес қонысының орналасу орны. Оңтүстіктен қарағандағы көрініс. Сурет Андрей Астафьевтікі, 2019

Fig. 1. Location of Baylama and the urban-type settlement of Karakabak. View from the south.  
Photo by Andrey Astafiev, 2019



## 2 Материал и методы исследования (Астафьев А.Е., Богданов Е.С.)

### 2.1 Методика исследования

Стена Байлама в плане слегка изогнута и имеет небольшие углы поворотов через 30–60 м (рис. 2). Ее протяженность по уточненным данным составляет 780 м. Сооружение (стена-ров-вал) достаточно сильно разрушено в древности, а также в результате хозяйственной деятельности местного арендатора земель в 2021 г. В настоящее время можно констатировать, что внешняя сторона кладки на 80% лежит во рву. Большею частью эти завалы перекрыты грунтовыми отложениями и лессовыми наносами, что придает стене вид вала. Очень хорошо на всех участках фиксируется оплывший ров шириной 3 м и глубиной от 0,5 до 0,8 м, повторяющий очертания внешнего контура кладки (рис. 3). Вал перед рвом низкий, но местами за счет камня сохранил высоту 0,3–0,5 м.

При визуальном осмотре сооружения и в ходе раскопок установлено, что в западном секторе стена сложена двухрядной бутовой кладкой без раствора из природного камня (известняк и крупные желваки кремня) с грунтово-щебнистой забутовкой междурядового пространства. Ее ширина на разных участках составляет 1,5–2,2 м. Внешний ряд кладки сложен из крупных блоков и плит (рис. 4). Именно в западном секторе «вал Байлама» с наружной стороны обустроен тремя полукруглыми глухими башнями диаметром 3–3,5 м. Наибольшая сохранившаяся высота на уровне «стрелковой» площадки башни достигает 1,5 м от поверхности. Интересной деталью является сохранившийся и



Рис. 2. Вал Байлама. Вид с севера. Фото А.Е. Астафьева, 2019 г.  
(Круговые конструкции – это загоны для скота, построенные в советское время)

2-сур. Байлам қамалы. Солтүстіктен қарағандағы көрініс. Сурет Андрей Астафьевтікі, 2019  
(Шеңберлі құрылыс – бұл кеңес уақытындағы мал қамайтын қоршау)

Fig. 2. Baylama. View from the north. Photo by A. Astafiev, 2019  
(Circular structures are cattle pens built in the Soviet era)



Рис. 3. Вал Байлама. Ров. Фото Андрея Астафьева, 2019  
3-сур. Байлам қамалы. Арық. Сурет Андрей Астафьевтікі, 2019  
Fig. 3. Baylama. The moat. Photo by Andrey Astafiev, 2019

завалившийся на стрелковую площадку бордюр-парапет в 7–8 ярусов однорядной кладки шириной 0,5–0,6 м при реконструируемой высоте до 1 м. В западном секторе стены имеется небольшой разрыв кладки шириной около 2 м, где хорошо прослеживается понижение окружающего рельефа, что позволяет определить это место как входные ворота. По сообщениям местных жителей еще в недавнем историческом прошлом входной проем был обустроен каменной аркой.

В восточном секторе Байламы фиксируются конструктивные отличия в сооружении стены: в нескольких случаях прослеживаются участки с комбинированием горизонтально уложенными и вертикально установленными плитами (рис. 5). При этом внутренний ряд кладки выполнен относительно небольшими камнями (рис. 6). Такая «чехарда» с внутренними кладками на восточном секторе указывает либо на перестрой (подновление) стен, либо на то, что их возведение осуществлялось в более поздние периоды, когда возможности (людские ресурсы и мастера) уже были минимальными.

## 2.2 Характеристика материала и итоги раскопок

Для выявления конструктивных особенностей возведения крепостной стены и рва в 2019 г. у второй башни с внешней стороны был заложен раскоп площадью 15 кв. м (рис. 7). В ходе расчистки



Рис. 4. Вал Байлама. Вид на сохранившийся западный участок стены. Фото Андрея Астафьева, 2019  
4-сур. Байлам қамалы. Қабырғаның сақталған батыс участогінің көрінісі. Сурет Андрей Астафьевтікі, 2019  
Fig. 4. Baylama. View of the preserved western section of the wall. Photo by Andrey Astafiev, 2019



Рис. 5. Вал Байлама. Вид на сохранившийся восточный участок стены. Фото Андрея Астафьева, 2019  
5-сур. Байлам қамалы. Қабырғаның сақталған шығыс участогінің көрінісі. Сурет Андрей Астафьевтікі, 2019  
Fig. 5. Baylama View of the preserved eastern section of the wall. Photo by Andrey Astafiev, 2019



Рис. 6. Вал Байлама. Вид на сохранившийся западный участок стены с вертикально установленными плитами в верхней части. Фото Андрея Астафьева, 2019

6-сур. Байлам қамалы. Қабырғаның сақталған батыс участоғінің көлбеу қойылған тақта тастармен жоғарғы бөлігінің көрінісі. Сурет Андрей Астафьевтікі, 2019

Fig. 6. Baylama. View of the preserved western section of the wall with vertically mounted slabs in the upper part. Photo by Andrey Astafiev, 2019

установлена важная конструктивная особенность строительства: цокольные ряды внешней кладки уложены на каменно-грунтовую «подушку», преднамеренно созданную на скальном основании при рытье широкого рва (рис. 8). Таким образом, была создана устойчивая опора для большой вертикальной массы камня стеновой кладки во избежание оползания склона рва и преждевременного разрушения сооружения. При этом фундамент внешнего ряда кладки был заглублен до 0,6 м ниже уровня современной поверхности, а опорная каменная забутовка засыпана с откосом в сторону рва. Внешняя кладка стены деформирована и имеет отрицательный наклон. Однако по соседству сохранился участок кладки, позволяющий уверенно полагать, что внешняя поверхность стены в древности имела положительный уклон. В результате раскопок удалось установить, что изначальная высота стены от скального основания рва с учетом парапета могла составлять более 3 м.

Пересчёт объёма вынутого грунта при рытье рва позволяет предположить, что высота вала перед рвом могла составлять не менее 1 м. Примерная оценка объёма трудозатрат при возведении «вала Байлама» составила ок. 3000 т перемещённого камня и ок. 1500 куб. м вынутого грунта, что позволяет ставить это сооружение в ряд неординарных для своего времени. К примеру, при возведении самой протяженной крепости-убежища в местности Караган (длина кладки 200 м) было использовано только ок. 800 т камня (*полевые наблюдения авторов*), а вот на облицовочную кладку глинобитной крепости средневекового городища Кызылкала ушло более 7000 тонн [Самашев и др. 2007: 295–298].



Рис. 7. Вал Байлама. Вид на зачищенный участок стены и остатки башни (слева).  
Фото Андрея Астафьева, 2019

7-сур. Байлам қамалы. Қабырғаның қорғалған участоғінің және мұнара қалдығының (сол жақта) көрінісі.  
Сурет Андрей Астафьевтікі, 2019

Fig. 7. Baylama. View of the cleared section of the wall and the remains of the tower (left).  
Photo by Andrey Astafiev, 2019

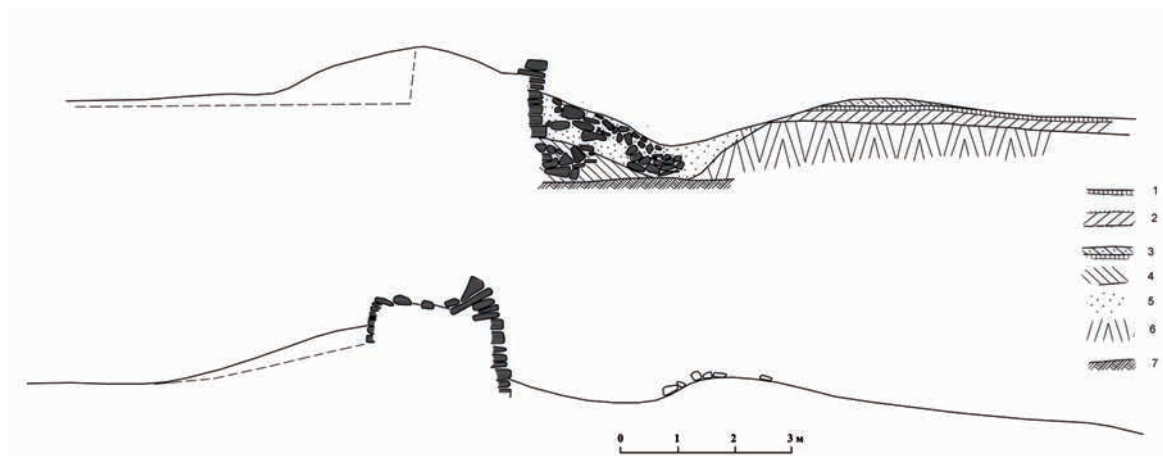


Рис. 8. Вал Байлама. Разрезы на участке раскопа: 1 – дерн; 2 – бурая супесь; 3 – бурая супесь с щебнем;  
4 – затечная бурая супесь с мелким щебнем; 5 – рыхлая пылеватая супесь;  
6 – плотный песок с кремневыми обломками; 7 – скальник. Исполнитель Андрей Астафьев

8-сур. Байлам қамалы. Қазба участоғіндегі қималар: 1 – шым; 2 – қоңыр құмды саз; 3 – қиыршық таспен  
қоңыр құмды саз; 4 – ұсақ қиыршық тасты қоңыр құмды саз; 5 – борпылдақ шаңды құмды саз;  
6 – шақпақ тастармен тығыз құм; 7 – тас. Сурет Андрей Астафьевтікі, 2019

Fig. 8. Baylama. Sections at the excavation site: 1 – sod; 2 – brown sandy loam; 3 – brown sandy loam with  
crushed stone; 4 – sandy brown sandy loam with small gravel; 5 – loose silty sandy loam;  
6 – dense sand with flint fragments; 7 – rocks. Performed by Andrey Astafiev





Раскопки внешнего участка стены позволили обнаружить только немногочисленные мелкие фрагменты костей диких и домашних животных, залежавших в заполнении и непосредственно на дне рва. Единственной (относительно датирующей) находкой является каменная плита с выбитыми тамгообразными знаками, найденная в каменных завалах рва\* (\*Плите посвящена отдельная публикация в этом же номере журнала). Других артефактов при наших исследованиях не обнаружено.

### 3 Обсуждение результатов исследования (Астафьев А.Е., Богданов Е.С.)

«Вал Байлама» возводили с учетом особенностей местной строительной сырьевой базы (без использования сырцовых кирпичей) и с учетом общепринятых норм фортификации (стена-ров-вал). Башни Байламы и сам западный сектор в виду однородности строительных принципов, возможно, маркируют самый ранний этап возведения защитных сооружений на данном участке. В дальнейшем стену достраивали уже руководствуясь принципом – «как можно быстрее перегородить проход». Оригинальным же моментом является укрепление каменным бутом основания облицовочной кладки, что не является местной традицией. У мангистауских каменных построек, начиная с бронзового века и вплоть до Нового времени, цокольная кладка ставилась только на древнюю поверхность без каких-либо фундаментов. Интересно, что стены оборонительного контура византийской цитадели (IV–VII вв. н.э.) общей протяженностью ок. 675 м в юго-восточной части азиатского Боспора выстроены сырцово-каменной кладкой, сооруженной на земляной насыпи [Малашев и др. 2018: 355–357]. А «кладки основания сырцово-каменной оборонительной стены, шириной 1,0–1,1 м, выложены из крупных плит местных пород (известняк и песчаник). В местах стыковки с другими участками внешнего оборонительного контура фиксируются обширные площадки – остатки башен с проездным сооружением» (воротами) [Малышев и др. 2018: 357].

Использование же в облицовочных кладках вертикально установленных плит зафиксировано на остатках фундамента постройки храмового типа Меретсай 2, которая относится к типу памятников байтинского типа и может быть датирована раннесарматским временем [Онгарулы и др. 2017: 113, рис. 107]. Очень важно, что данный принцип возведения мы зафиксировали и при строительстве стен жилого строения № 2 на городище Каракабак [Астафьев, Богданов 2019: рис. 8] эпохи переселения народов. Этот факт является еще одним косвенным доказательством, что именно для защиты этого поселения и пастбищных угодий и была сооружена байламинская стена.

Городище Каракабак было обнаружено на берегу залива Кочак, на высоком скальном останце, отделенном от остального участка возвышенности глубоким природным рвом, являющимся естественной защитной преградой. Со стороны поселения ров был усилен крепостной стеной [Астафьев, Богданов 2019: рис. 2; 3]. Этот останец является северо-западной оконечностью участка плато, отделенного от основного массива «валом Байлама». Площадь застройки поселения составляет 3 га. В настоящее время двумя раскопами охвачена юго-западная оконечность останца (исследовано пять многокомнатных жилых строений, придомовые территории, уличные пространства) и северная – мусорный отвал. Наиболее массовыми находками являются обломки лепных и станковых сосудов, фрагменты каменных зернотерок, жерновов, терочников, точил, пестов, следы ремесленной обработки меди и литья бронзы [Астафьев, Богданов 2019: 24, рис. 9–12]. На основе представительной коллекции хорезмийских, сасанидских и бухарских медных монет, находок фибул и серии ременной гарнитуры [Астафьев, Богданов 2019: рис. 12–13] памятник датируется в пределах III – 1-й пол. VI в.



Месторасположение поселения на берегу морского залива подразумевает его портовое предназначение как важного торгово-ремесленного центра. Далекое периферийное месторасположение в стороне от крупных центров городской культуры, постоянный контакт с кочевым окружением, топографически продуманное устройство долговременного поселения на неприступной природной цитадели, плотная жилая застройка, разнообразное ремесленное производство и внутриселенческое денежное обращение должны подразумевать систему безопасности жизнеобеспечения, которыми являются водные и пищевые ресурсы. Вопрос с водообеспечением населения Каракабака в условиях природно-топографической изоляции пока остается открытым. Мы склонны думать, что здесь главную роль должны были играть продуманные системы по сбору и хранению дождевой воды. А вот безопасность пищевой базы должна была обеспечивать обширная и укрепленная площадь в 15 кв. км, отгороженная от окружающего мира крепостным «валом Байлама», которая располагается в 5,5 км (по прямой) от поселения Каракабак. Более 60% отгороженной площади плато является относительно равнинным участком с многочисленными следами современного травокоса, хорошо заметными на космоснимках и свидетельствующими о более благоприятном почвенном фоне в условиях полупустынного ландшафта. Проведенные на трех участках плато Емды сравнительно-геоботанические исследования д.б.н. Н.Н. Лашинским выявили отсутствие каких-либо растительных индикаторов, характерных для старозалежных земель, являющихся свидетельствами древней земледельческой активности [Лашинский и др. 2021: 390]. По мнению исследователя, отгороженная крепостной стеной территория использовалась с древности только в качестве пастбищных угодий. Таким образом, мы можем предполагать, что в эпоху переселения народов эта территория могла быть использована под площадь отгонного скотоводства. Это подтверждается предварительным заключением старшего научного сотрудника ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск) С.К. Васильева по видовому составу и количеству костных остатков из раскопок протяженного вала мусорного отвала на северной оконечности городища Каракабак. Интересно отметить, что основным рационом питания местного населения было мясо мелкого рогатого скота (73,12%), коровы (10,18%) и лошади (6,39%). Именно эти животные и могли содержаться на отгороженном «валом Байлама» участке плато.

Однако есть и еще одна версия причин строительства столь внушительного фортификационного сооружения. На южном склоне уступа Емды в 10 км от крепости находится старая скотопрогонная тропа Акжол, проложенная по скальному склону. Эту тропу следует рассматривать как элемент древней караванной дороги, ведущей к торговой пристани Караган [Астафьев, Петров 2017: 107–108]. Данное предположение косвенно подтверждается космическими снимками, на которых отчетливо просматриваются две ветки путей, идущих от пристани в направлении спуска Акжол. Ранее нами было высказано обоснованное предположение о существовании неизвестной ученым до последнего времени торговой трассы, ведущей из Хорезма через плато Устюрт и полуостров Мангышлак к берегу Каспийского моря, где располагалось портовое поселение Каракабак [Астафьев, Богданов 2019: 33–34; 2020: рис. 1; 2022: 82–83]. Далее грузы морским путем могли попадать в государства на западных и южных берегах Каспия или в Черное море по Волжско-Донскому речному сообщению. Доставка же товаров в Каракабак из среднеазиатских оазисов, скорее всего, осуществлялась посредством верблюжьих караванов. По этой причине требовалось место безопасного отстоя и содержания многочисленного поголовья тягловых и верховых животных – в основном, верблюдов,



а так же места складирования ценных грузов. Вероятно, именно в этом и кроется объяснение факта крайне редкого использования верблюжьего мяса в рационе каракабакцев, по крайней мере, на ранних этапах функционирования поселения.

Таким образом, столь грандиозная для Мангистау крепостная стена Байлама отгораживала часть жизненной территории каракабакского поселения и являлась укрепленной пограничной линией с миром кочевых сообществ, что придает этой небольшой изолированному участку земли характер анклава. Если говорить об Арало-Каспийском регионе, то этот эффективный метод защиты от набегов кочевников (возведение длинных по протяженности стен) появился только в эллинистическое время, при первых Селевкидах [Абдуллаев 1997: 54]. По сообщению Страбона (XI.X.2), Антиох I Сотер велел обнести построенный им город стеной в 1500 стадиев, обезопасив, таким образом, оазис от набегов кочевников [Абдуллаев 1997: 56]. До настоящего времени длинные стены хорошо сохранились на северной и северо-западной границе Бактрии. Например, Дарбандская стена в долине р. Шуроб, перекрывающая (защищающая) проход для торговых караванов, следовавших из центральных областей Средней Азии в Бактрию – Тохаристан и Индию и, наоборот, из Индии и Бактрии в Самарканд, Бухару и далее. В ходе археологических раскопок под руководством Э.В. Ртвеладзе были зафиксированы длинные стены (с бутом из рваного камня) на протяжении 1,5 км с высотой от 2 до 5 м «с остатками каких-то сооружений по периметру» [Ртвеладзе 1986: 35–36]. Внешний и внутренний фасы стены выложены из сырцовых кирпичей квадратной формы (32/33×32/33×11). Авторами раскопок стена датировалась в пределах I–III вв. н.э. [Ртвеладзе 1986: 35–36]. Еще одно подобное крепостное сооружение – Узундара («Великая Бактрийская стена») – расположено в Байсунских горах на высоте более 1650 м. Общая протяженность стен составляет более 900 м [Двуреченская 2019: 154–156]. Все они сложены из камня с внутренней и внешней стороны, а образовавшееся пространство между ними забутовано камнем, гравием и глиной. Толщина стен достигает 3,5 м. Фортификацию крепости усиливали 10 башен, возведенных на расстоянии от 25 до 170 м друг от друга. Возведение Узундары относится ко времени не позднее 1-й четв. III в. до н.э. [Двуреченская 2019: 156]. Археологически исследовались участки стен крепости Курганзол в южных предгорьях Байсунтау, Балхской стены рядом с Дильберджином, участок стены Илаллик I; есть упоминания про сохранившуюся с эллинистических времен крепостную стену близ горного кишлака Сина, в 30 км от Денау и др. [Пугаченкова 1963: 52; Тихонов 2020: 97–98]. Таким образом, «практически все ущелья отрогов гор были перекрыты единой оборонительной системой (стены, форпосты, крепости), защищающей государство Селевкидов от кочевых набегов, начиная с III в. до н.э. Возможно, что эта традиция возведения высоких стен, перегораживающих проходы в стратегически важных местах с целью контроля над торговыми путями или защиты поселений, была привнесена на прикаспийские земли из Греции или Македонии» [Абдуллаев 1997: 56]. Создание подобных фортификационных сооружений с учетом рельефа является эпохальным историческим явлением\* (\*Самые известные и масштабные каменные сооружения подобного рода на многие сотни километров – это бесспорно «Великая китайская стена» на Востоке и «вал Адриана» на Западе и «Горгианская стена» на Юге. – Прим. авт.) и как выяснилось в результате наших открытий, присутствует и на побережье Северо-Восточного Прикаспия.

#### 4 Выводы (Астафьев А.Е., Богданов Е.С.)

Создание крупного городского и ремесленно-торгового анклава на небольшой изолированной территории на северо-восточном побережье Каспийского моря (Мангистау) потребовало



возведения длинной крепостной стены, обеспечивающей надежную защиту от кочевых набегов. Время ее постройки, вероятно, стоит относить к IV–V вв. Возведение «Вала Байлама» для местного населения было очень актуально на фоне постоянных военных столкновений между Ираном и Римом. Ситуацию усугубляли внутренние мятежи на территории обеих империй, а также гуннские вторжения [Астафьев, Богданов 2019: 31]. В отличие от бактрийских крепостных сооружений, байламинская стена была возведена только с помощью каменной кладки с бутовым наполнением, в то время как основным принципом строительства (хорезмийский и сасанидский) были сырцовые кирпичи на каменном цоколе. Стена, защищающая Каракабак и его пастбищные угодья, выполняла свою функцию вплоть до угасания этого торгово-ремесленного поселения в 1-й пол. VI в. во время дербентской регрессивной стадии Каспия. Именно в это время восстановилось активное торговое движение по «Дербентскому проходу» на противоположном берегу моря. В правление Кавада I (488–531 гг.), когда положение внутри Ирана и на границах несколько стабилизировалось, сасаниды отвоевали захваченные земли и возвели первые «длинные стены» – сырцовую стену Дербенда, позже Бешбармагскую и Гильгильчайскую стены и наконец, Дербендский оборонительный комплекс (цитадель, стены города Дербенда и Горная стена) из камня [Кудрявцев 1979: 43; Алиев и др. 2004: 462]. Хотя в более ранних публикациях предполагалось, что постройка большей части из этих стен относится ко времени Йездегерда II (438–457 гг.) [Тревер 1959: 391; Алиев 1984: 69], опираясь, в первую очередь, на письменные свидетельства армянского историка Егише [Гмыря 2018: 124].

#### ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Абдуллаев К.* О северных рубежах государственной границы Бактрии в эллинистическую эпоху // Российская археология. 1997. № 4. С. 54-60.
- 2 *Алиев А.А.* Археологические раскопки Гильгильчайского оборонительного сооружения // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия ИФП. 1984. № 3. С. 64-71.
- 3 *Алиев А.А., Алиев И.Н., Гаджиев М.С., Гейтнер М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г.* Новые исследования Гильгильчайской оборонительной стены // Проблемы истории, филологии, культуры. 2004. № 14. С. 441-465.
- 4 *Астафьев А.Е.* Пути торговых сообщений эпохи средневековья на территории Арало-Каспийского водораздела. Актау: [б./и.], 2010. 147 с.
- 5 *Астафьев А.Е.* Отчет о проведении архитектурно-археологических исследований крепости бронзового века в местности Саура в 2014 г. // Фонды Мангистауского областного историко-краеведческого музея.
- 6 *Астафьев А.Е., Богданов Е.С.* Древний город на Восточном берегу Каспийского моря // *Stratum plus*. 2019. № 4. С. 17-38.
- 7 *Астафьев А.Е., Богданов Е.С.* К вопросу о существовании восточно-каспийского ответвления великого шелкового пути // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов. Диалог культур. М-лы VIII Междунар. научн. конф. / Отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 2020. С. 126-133.
- 8 *Астафьев А.Е., Богданов Е.С.* Открытие Каракабака на Мангистау: перспективы исследования // Мангистау в потоке истории: м-лы Междунар. научн. конф. (г. Актау, 16–17 ноября 2022 г.). Актау: [б./и.], 2022. С. 80-86.
- 9 *Астафьев А.Е., Петров П.Н.* Полуостров Мангышлак в морском торговом сообщении эпохи Золотой Орды. // Археология евразийских степей. 2017. № 6. С. 101-115.
- 10 *Гмыря Л.Б.* Данные письменных источников об оборонительных сооружениях на Восточном Кавказе в эпоху великого переселения народов // *Acta Historica*: труды по истории, археологии, этнографии и обществоведению. 2018. № 2. С. 120-131.
- 11 *Двуреченская Н.Д.* Фортификация крепости Узундара // Древности восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые



- данные и концепции). М-лы конф. (СПб., 18–22 ноября 2019 г.) / Отв. ред. А.В. Поляков, Е.С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 153-156.
- 12 *Едилхан А.М., Едилханова С.А.* Байлама – этноархеологический памятник Восточного Прикаспия // Интеграция археологических и этнографических исследований: м-лы XI Междунар. научн. семинара, посвящ. 160-летию со дня рождения Д.Н. Анучина и 190-летию со дня рождения М.А. Кастрена (г. Омск, июнь 2003 г.) / Отв. ред. М.А. Корусенко, С.С. Тихонов, Н.А. Томилов. Омск: ОмГУ, 2003. С. 192-199.
- 13 *Каруц Р.* Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб.: издание А.Ф. Девриена, 1911. 194 с.
- 14 *Кудрявцев А.А.* «Длинные стены» на Восточном Кавказе // Вестник истории. 1979. № 11. С. 31-43.
- 15 *Лацинский Н.Н., Астафьев А.Е., Богданов Е.С.* Эфемерная синюзия пустынь как индикатор обнаружения археологических объектов // Сибирский экологический журнал. 2021. Т. 28. № 3. С. 383-392.
- 16 *Малышев А.А., Дрыга Д.О., Моор В.В.* Политический центр азиатского Боспора в ранневизантийское время: исследования, топография и визуализация // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа». М-лы Междунар. научн. конф. (г. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.) / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: ИА РАН, 2018. С. 355-357.
- 17 *Онгарулы А., Ольховский В., Астафьев А., Дарменов Р.* Древние святилища Устюрта и Восточного Приаралья. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. 320 с.
- 18 *Пугаченкова Г.А.* К исторической топографии Чаганиана // Исторические науки Узбекистана. Кн. 41. Вып. 200. Ташкент: ТашГУ, 1963. С. 49-64. Book 41, vol. 200.
- 19 *Ртвеладзе Э.В.* Стена Дарбанда Бактрийского // Общественные науки Узбекистана. 1986. Вып. 12. С. 34-39.
- 20 *Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А.* Сокровища Устюрта и Мангыстау. Алматы: Изд-во Елчиди, 2007. 399 с.
- 21 *Тихонов Р.В.* Военные поселения и фортификационные сооружения эллинистической Бактрии // История. Факты и символы. 2020. № 3 (24). С. 96-101.
- 22 *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуры Кавказской Албании. М.; Л.: Изд-во АН ССР, 1959. 391 с.

## REFERENCES

- 1 Abdullayev, K. 1997. In: *Rossiyskaya arkheologiya (Russian archaeology)*, 4, 54-60 (in Russian).
- 2 Aliyev, A. A. 1984. In: *Izvestiya Akademii nauk Azerbaydzhanskoj SSR. Seriya istorii, filosofii, prava (Proceedings of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. Series of History, Philosophy and Law)*, 3, 64-71 (in Russian).
- 3 Aliyev, A. A., Aliyev, I. N., Gajiyev, M. S., Geytner, M. G., Kol, F. L., Magomedov, R. G. 2004. In: *Problemy istorii, filologii, kultury (Problems of History, Philology and Culture, Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)*, 14, 441-465 (in Russian).
- 4 Astafiyev, A. E. 2010. *Puti torgovykh soobshcheniy epokhi srednevekoviya na territorii Aralo-Kaspiyskogo vodorazdela (Trade routes of the Middle Ages on the territory of the Aral-Caspian watershed)*. Aktau (in Russian)
- 5 Astafiyev, A. E. 2014. In: Funds of the Mangystau Regional Museum of Local History (in Russian).
- 6 Astafiyev, A. E., Bogdanov, E. S. 2019. In: *Stratum plus*, 4, 17-38 (in Russian).
- 7 Astafiyev, A. E., Bogdanov, E. S. 2020. In: *Etnicheskiye vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Velikoye pereseleniye narodov. Dialog kultur (Ethnic interactions in the Southern Urals. The Great Migration of Peoples. Dialogue of cultures)*. Chelyabinsk: South-Ural State University, 126-133 (in Russian).
- 8 Astafiyev, A. E., Bogdanov, E. S. 2022. In: *Mangystau v potoke istorii (Mangystau in the flow of history)*. Aktau, 80-86 (in Russian).
- 9 Astafiyev, A. E., Petrov, P. N. 2017. In: *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*, 6, 101-115 (in Russian).
- 10 Gmyrya, L. B. 2018. In: *Acta Historica: trudy po istorii, arkheologii, etnografii i obshchestvovedeniyu (Acta Historica: Works on history, archaeology, ethnography and social studies)*, 2, 120-131 (in Russian).



- 11 Dvurechenskaya, N. D. 2019. In: Polyakov, A. V., Tkach, E. S. (eds.). *Drevnosti vostochnoy Yevropy, Tsentralnoy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v yevraziyskom kulturnom prostranstve (novyye dannyye i kontseptsii) (Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and Southern Siberia in the context of relations and interactions in the Eurasian cultural space (new data and concepts))*, 153-156 (in Russian).
- 12 Yedilkhan, A. M., Yedilkhanova, S. A. 2003. In: Korusenko, M. A., Tikhonov, S. S., Tomilov, N. A. (eds.). *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy (Integration of archaeological and ethnographic research)*, 192-199 (in Russian).
- 13 Karutts, R. 1911. *Sredi kirgizov i turkmenov na Mangyshlake (Among Kyrgyz and Turkmens on Mangyshlak)*. Saint Petersburg: “A.F. Devriyen” Publ. (in Russian).
- 14 Kudryavtsev, A. A. 1979. In: *Vestnik istorii (Bulletin of History)*, 11, 31-43 (in Russian).
- 15 Lashchinskiy, N. N., Astafiyev, A. E., Bogdanov, E. S. 2021. In: *Sibirskiy ekologicheskiy zhurnal (Siberian Ecological Journal)*, 28 (3), 383-392 (in Russian).
- 16 Malyshev, A. A., Dryga, D. O., Moor, V. V. 2018. In: *XXX «Krupnovskiy chteniya» (30<sup>th</sup> Krupnov readings)*, 355-357 (in Russian).
- 17 Onggaruly, A., Olkhovskiy, V., Astafiyev, A., Darmanov, R. 2017. *Drevniye svyatilishcha Ustyurta i Vostochnogo Priaraliya (Ancient temples of Ustyurt and the Eastern Aral Sea region)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 18 Pugachenkova, G. A. 1963. In: *Istoricheskie nauki Uzbekistana (Historical sciences of Uzbekistan)*, Book 41, vol. 200, 49-64 (in Russian).
- 19 Rtveldze, E. V. 1986. In: *Obshchestvennyye nauki Uzbekistana (Social Sciences of Uzbekistan)*, 12, 34-39 (in Russian).
- 20 Samashev, Z., Kusherbayev, K., Amanshayev, Ye., Astafiyev, A. 2007. *Sokrovishcha Ustyurta i Mangystau (Treasures of Ustyurt and Mangystau)*. Almaty: “Yelchidi” Publ. (in Russian).
- 21 Tikhonov, R. V. 2020. In: *Istoriya. Fakty i simvolyy (History. Facts and symbols)*, 3 (24), 96-101 (in Russian).
- 22 Trever, K. V. 1959. *Ocherki po istorii i kulture Kavkazskoy Albanii (Essays on the history and culture of Caucasian Albania)*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /  
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /  
Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.  
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.  
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 06.02.2023.  
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 11.02.2023.  
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 20.03.2023.

